

Заграницей обнаружилась наша культурная неустойчивость.

Но, может быть, в исчезновении читателя виноват и писатель?

Конечно, и в значительной степени.

Заграницей вышло немало русских книг, но «продукция» эта была, зачастую, катастрофически недоброкачественна. На такую книгу нельзя ожидать спроса, нельзя удивляться недоверию читателя. Но ведь выйдут и прекрасные книги, а между тем, и она мало читаема. Тут приходится кивнуть на наших критиков, в особенности на, так называемых, «ответственных, руководящих». Их отзывы, их рекомендации кажутся иногда просто необъяснимыми. Это особенно поражает, когда рецензии эти одобрительно подкрепляются цитатами, от которых у человека стороннего остается чувство, скажем, печального недоумения. Между тем, критики эти — люди ярко талантливые, обладатели тонкого вкуса и незаурядного ума. Чем же руководятся они, вводя читателя в заблуждение, отваживая его от книги?

Вторая книжка стихов В. Смоленского не кажется мне шагом вперед в творчестве этого одаренного поэта. Новые ноты звучат только в пьесах завершающих сборник — в стихах о России. Но их еще рано касаться. Автор, как будто бы, еще не нашел нужного подхода к теме. Стихи эти похожи на этюды — подождем большого полотна.

Эти общие замечания не надо понимать, как разочарование, тем более осуждение. Стихи Смоленского, сотканные из прекрасного словесного материала, доставляют радость, холодную радость, как лицезрение мертвого лунного пейзажа, безнадежного, но упительного. Кокетливость его книги, которую точнее можно бы назвать — «Надяне с обожате-

лем», оправдана. Можно ли устоять перед очарованием таких строк? —

«Огромный мир объятый мглой и сном,

Где ни начала, ни конца не зная,
Мы, задыхаясь в тесноте, живем,
О счастья и бессмертия мечтая.

Он скуден, тленен и неразрушим.
Закрой глаза — есть мир иной над ним.

В котором ты — полночная звезда,
Застывшая в сиянии и молчаньи,
В котором я — прозрачная вода,
В которой отражается сиянье.

Над миром этим — мир совсем иной,
Совсем прозрачный и совсем простой».

Магия стихов тут особенно разительна, — тяжеловесное, в ином сочетании, трехкратное повторение слова «который» не только не ослабляет, но усиливает впечатление.

Или —

«Что надо знать, как надо жить,
Чтоб слов чудесным сочетаньем,
Чтоб звука тайного звучаньем,
Одним огнем, одним дыханьем
Тебя с собой соединить?...
Что надо знать, как надо жить!».

Разве здесь не проявляется вся климатическая сила слова?

К сожалению, я не могу переобременять эти страницы цитатами, которые еще и еще раз доказали бы дружбу поэта со стихией русского слова.

В чем же разгадка остановки творческого развития, застывшей поэта на высоком уровне, до которого немногим из наших русских современников удастся подняться, но все же, несомненной и печальной? — Мне незачем заниматься гаданиями. Поэт сам сознает омертвление своей ду-

ши, а вместе с нею и дара. Он говорит —

«Разбрасывать и собирать слова,
Уже почти без смысла и значенья,
Уже без страсти и без вдохновенья,
Уже без боли и без торжества.

И почерком разборчивым вписать
В тетрадь еще пять, шесть коротких
строчек,

И не забыть ни запятых, ни точек.
Перечитать и отложить тетрадь.

Изнемогая в медленной борьбе,
Где победить и незачем и нечем,
Все больше горбить сгорбленные
плечи,

Все равнодушной думать о себе

И о других. Так, продолжая жить
Уже с полузакрытыми глазами,
Почти непогрешимыми словами
Научишься о жизни говорить».

Что к этому можно прибавить? —
Одно: Смоленского губит, подтачи-
вает мысль о смерти, вяляющейся
его основной темой. Взор его направ-
лен в небытие и, если он и видит
так многое, недоступное нашему зре-
нию, то тут — на нашей земле — по-
вседневное сознание обреченности
пресекает его голос.

Книга З. Гиппиус, собрание сти-
хотворений-миниатюр — закончен-
ных, выверенных, ювелирных миров
— «сияний».

Эта поздняя книжка — чудесная
победа духа — в чем-то сходствует
с таким же необыкновенным зримым
цветением Тютчева. И там и здесь
присутствует острый, искушенный
ум, ум, как-то так сочетающийся с
чувством, что, обычного у исключи-
тельно умных писателей, подсыхания
творческой стихии удается избежать.
Эти стихи З. Гиппиус отмечены не-
обыкновенной прихотливостью мы-

сли — никогда не удается «подска-
зать» автору дельнейшее развитие
сюжета. Иногда это даже раздра-
жает, но чаще радует. Поглощая эти
страницы, обогащаешься соприкосно-
вением с душой особенной, ничуть
на твою не похожей. У «Сияний»
есть еще одно и немалое достоинст-
во — четкость и богатство языка.
Как хороши, например, эти строки —

«И мы простим, и Бог простит.
Мы жаждем мести от незнания.
Но злое дело — воздаянье
Само в себе, таясь, таит.

И путь наш чист, и долг наш прост:
Не надо мстить. Не нам отмыченье.
Змея сама, свернувши звенья,
В свой собственный вошьется хвост.

Простим и мы, и Бог простит,
Но грех прощенья не знает,

Он для себя — себя хранит,
Своею кровью кровь смывает,
Себя вовеки не прощает,
Хоть мы простим, и Бог простит».

Перечитываешь, страницу за стра-
ницей, книгу Ю. Терапиано «На вет-
ру» и тебя все время преследует
мысль — это на что-то похоже!

Мучительно ощущаешь за многими
строчками присутствие звуковых сло-
восочетаний, тени любимых поэтов.
Спешу оговориться, стихи Ю. Тера-
пиано отнюдь не перелицовка извест-
ных образов, но, повизанию, от-
сутствие сильной творческой инди-
видуальности, воображение пленен-
ное шедеврами нашей и иностранной
поэтики, оставляют ему один путь —
путь пожизненного ученичества. На
этом пути Терапиано преуспевает.
Его стихи, исполненные формальных
достоинств, читаются с приятностью
и пользой. Сознаюсь, они скучноваты,
как скучны ответы старательно-
го первого ученика и вообще все то,

что не отмечено печатью оригинальности. Лучшие других мне показались стихотворения посвященные французским поэтам.

Посмертно изданная, четвертая книга стихов Бориса Поплавского «В венке из воска» объединяет пьесы зачастую между собой внутренне не связанные. Издатели, повидимому, стремились включить в книгу побольше, расширить наследие поэта. Мысль понятная и почтенная, но, думается, книжка выиграла бы в яркости, — потеряв в объеме. Впечатление некоторой рыхлости, производимое книгой в целом, получаешь и при чтении некоторых включенных в нее стихотворений. Расточительность, нагромождение образов уменьшает ценность каждого из них, физически лишая читающего возможности сосредоточиться. Если же, при этом, среди безусловных находок встречаются и ходульность, фальшь, или даже невнятицы — охватывает недоверие. Поэт и читатель становятся друг другу непоправимо чужды.

К счастью, отмеченное явление не всегда имеет место и Поплавский — верный себе — причудливый и капризный, восторженно-скептический, эротический или детски прозрачный (как часто у него, на жгущем празднике, мелькают детские лица!), овладевает мыслью и слухом, как мало кто из современников.

— Что вы читаете?

— «На Западе» — стихи Адамовича.

— Как, разве он и поэт? — Таких репликами мне пришлось, в последнее время, не раз обменяться. И как печально, что дело обстоит так!

Георгий Адамович-поэт, мало кому знаком.

Все знают литературного критика Адамовича.

«На западе» — книга исключитель-

ная по своей напряженности и лаконической выразительности. Ни одно, го вялого слова не позволяет себе поэт; он всегда охотнее промолчит, чем скажет лишнее. Некоторые стихотворения напоминают химические формулы — названы и дозированы элементы, реакция должна произойти уже в сознании читателя.

Вот пример:

«Один сказал: «Нам этой жизни мало».

Другой сказал: «Недостижима цель».
А женщина привычно и устало,
Не слушая, качала колыбель.

И стертые веревки так скрипели,
Так умолкали, — каждый раз нежной, —
Как будто ангелы ей с неба пели
И о любви беседовали с ней».

И когда поэт выражает надежду, что —

«...может в старости тебе настанет срок
Пять-шесть произнести как бы случайных строк,

Чтоб их в полубреду потом твердил влюбленный,
Растерянно твердил на казнь приговоренный,
И чтобы музыкой глухой они проплыли
По странам и морям тоскующей земли».

то читатель ему ответит, что строки эти уже произнесены. Так чувствовал я, читая Георгия Адамовича; знаю, что так чувствовали и другие.

Есть в этой книге одно стихотворение, на которое все мое — читательское — сознание ответило безоговорочно. В нем выражена для меня, за меня и так, как я сам неспособен выразить, целая эпоха моей жизни, сложный и, казалось бы, непоправимый клубок чувств. Прочтя его однажды, в обстановке затрудняю-

шей восприимчивости, я запомнил его раз навсегда, чего со мной не бывает обычно. Не то чтобы даже запомнил, а оно стало моим, оказалось тем ключом к самопониманию, который я сам тщетно пытался выковать. Мало того, для меня облегчилось понимание Адамовича. Как будто приподнялась завеса ревниво разделяющая сознания. Беспощадная правдивость большого искусства, ничего общего не имеющего с декламацией, открыла за строчками живое и страдающее человеческое лицо. Я принимал себя на том, что читая эти стихи, шептал про себя: «Да... Так... А, вот что? — Ну, конечно! Да и как же иначе!».

Чтение обратилось в дружеский, глубоко-интимный разговор. И это, несмотря на сдержанность этих строк, несмотря на холодок усталого и скептического сознания поэта. Я не стану приводить этого стихотворения, потому что мне могут указать, и уже указывали, что есть в книге вещи значительнее, и с этим трудно спорить, но это только укрепляет во мне чувство восхищения: не только за меня, но и других. Г. Адамович умеет чувствовать и говорить.

Третья книжка стихов Александра Гингера, шестой выпуск серии «Русских поэтов», «Жалоба и торжество», соседствует, в порядке выхода, с Г. Адамовичем. Какой контраст!

У Гингера все — ипрочность, жестокое столкновение звуков, совершенное отсутствие чувства языка, «сканья» — по мысли одних, жонглёрство — как мне кажется.

Искание — законное право поэта. При всяком новаторстве неизбежны провалы, но они прощительны тогда, когда являлись достижения, удаchi, находки. Так глотается горькое лекарство, несущее исцеление; но после ознакомления с «Жалобой и тор-

жеством» естественно захворать эрзовому.

Невозможно оставаться равнодушным к коверканью, которому подвергает русскую речь Гингер. Если бы у нас существовало Общество Покровительства Родного Слова, оно привлекло бы его к ответственности. К сожалению, слово не имеет защитников. Между тем, это — наше единственное и лучшее достояние и равнодушное молчание — недопустимо.

Привожу для недоверчивого читателя следующие строки из стихотворения «Перстень» —

«И не моими-ль рыбьими словами
Изобразить веселые дела:
Как Божий раб-куражила над льва-
ми,
Как совесть закушала удила;

Как лещ, сияя по водопроводу,
Рапортовал и плакал впопыхах.
А сонны туч пошли, шумя про воду,
И дождик пал, и шелком садня пах.
Николай Вадимъ»

А. Е. ПРЕСНЯКОВ. Лекции по русской истории, Т. т. I и II. Москва 1939.

Имя проф. А. Е. Преснякова, временно погибшего в расцвете сил, заслужено стоит на ряду с блестящими именами его старших предшественников, В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова. За время своей ученой деятельности он подверг тщательному анализу и пересмотру многие представления о важнейших явлениях русской истории, прочно осевшие в нашей историографии и в программах университетских курсов, хотя они иногда не вполне соответствовали принятой «общей схеме» и системе изложения общерусской истории.

На это несоответствие давно уже обращалось внимание критики, а некоторые, так наз. «левые», ученые